И. В. Шапошникова

МОДУСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

STUDIA PHILOLOGICA

И. В. Шапошникова

МОДУСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва
2020

УДК 81-13 81’23
ББК 81.0+81в+81.2Рос+70/79
Ш 24

Рецензенты:
докт. филол. наук, профессор *Н. В. Уфимцева*,
докт. филол. наук, профессор *И. А. Бубнова*,
докт. филол. наук *М. К. Тимофеева*

Шапошникова И. В.

Ш 24 Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 336 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-907290-06-8

В книге исследуются на примере системы образования вопросы гуманитарного кризиса в России постсоветского периода. Анализ проводится с помощью психолингвистических экспериментальных методик на новейших материалах, собранных в последние десятилетия коллективом ученых из ИЯз РАН и ИФЛ СО РАН в сотрудничестве с ведущими вузами регионов России. Показываются приемы выявления динамики смысловых акцентуаций (психоглосс) в содержании процессов идентификации русской языковой личности по данным ассоциативно-вербальной сети. Автор ставит вопрос о стратегических просчетах реформы образования, связанных с непреодоленными последствиями ее разрушительной части, в особенности создавшимися условиями для размывания социокультурной (цивилизационной), гражданской и профессиональной идентичностей. Предлагаются к осмыслению возможности выхода из сложившейся ситуации. Рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с общей приложимостью психолингвистических методов к системному анализу сложных социальных процессов, потенциалом практикующихся в отечественной и зарубежной лингвистике междисциплинарных подходов к исследованию процессов порождения субъективности, а также теоретической разработкой моделей описания языка.

Книга адресована специалистам гуманитарного профиля и широкой аудитории читателей, которых интересуют затронутые в ней научные, научно-методические и общественно значимые проблемы.

УДК 81-13 81’23
ББК 81.0+81в+81.2Рос+70/79

В оформлении переплета использована картина М. К. Чюрлёниса «Дружба»

ISBN 978-5-907290-06-8
9 785907 290068 >

© Шапошникова И. В., 2020
© Издательский Дом ЯСК, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 9

Глава I. О методе 16
Глава II. Государственность и цивилизационная идентичность 50
Глава III. Мотивационная база реформы образования и социокультурная идентификация. 72
Глава IV. Интересы и ценности в гражданской идентификации последних десятилетий 91
Глава V. Противоречия профессиональной идентификации русской языковой личности. 107
Глава VI. О языковой политике в научно-образовательной сфере 119
Глава VII. Человекообразование как цель: профессиональная идентификация учителя и ученого. 135
Глава VIII. О языке в эпоху перемен 147
Глава IX. Системный анализ в междисциплинарной лингвистике: к разработке модели описания языка в учебных целях 167

Заключение 202
Библиография 205
Список таблиц 219

Приложение.
Психоглоссы, отражающие модусы идентификации русской языковой личности. 220
Таблица 1. Сравнительный анализ АП «государство» в РАС, СИБАС и ЕВРАС. 220

Таблица 2. Сравнительный анализ АП «президент» в РАС, СИБАС и ЕВРАС 235
Таблица 3. Сравнительный анализ АП «правительство» в РАС, СИБАС и ЕВРАС 248
Таблица 4. Сравнительный анализ АП «чиновник(и)» в РАС, СИБАС и ЕВРАС 258
Таблица 5. Сравнительный анализ АП «народ» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС 270
Таблица 6. Сравнительный анализ АП «русский», «советский» и «российский» в САНРЯ, РАС, СИБАС и ЕВРАС 285
Таблица 7. Сравнительный анализ АП «гражданин» в РАС, СИБАС и ЕВРАС 301
Таблица 8. Сравнительный анализ АП «образование» в РАС, СИБАС и ЕВРАС 314

Предметно-тематический указатель 326
Указатель имен 332

ВВЕДЕНИЕ

В российской философской традиции осмысление сути прошедших в мире на рубеже веков глобальных трансформаций, которые затронули самые разные аспекты жизни человека в различных его цивилизационных воплощениях, выявило идентичность как особо чувствительную сферу концентрации базовых противоречий в жизни современного человека. «Идентичность есть важнейший из механизмов обратной связи, благодаря которой инновационные группы возвращают свой приобретенный интеллектуальный капитал обществу и способствуют развитию той национальной среды, которая их изначально взрастила» [Панарин 2014: 1100–1101]. Люди, вкладывающие свою идентичность в деятельность, становятся, таким образом, производительной силой вскормившего их общества. Осознание значимости этого фактора ставит гуманитариев перед необходимостью не только актуализации процесса идентификации в качестве объекта исследования, но и выработки способов защиты социокультурной идентичности, гражданской сплоченности и этики коллективного служения. В масштабах страны-цивилизации, каковой является Россия, невозможно адекватно поставить задачи для науки и образования (а в гуманитарной сфере в особенности), если нет общецивилизационных перспектив. Последние могут осознаваться или не осознаваться в той или иной степени в разные периоды жизни общества.

Попавшая в фокус внимания носителей языка (а потому вербализованная) часть содержания процессов идентификации составляет предмет рассмотрения лингвистическими методами. Между тем лингвистику прошлого века, акцентировавшую внимание на собственно формально-структурной, внутренней организации системы языка, его семиотической природе, дуальности и произвольности языковых знаков, часто упрекают в деонтологизации, т. е. отрыве ее предмета

от реальности, знака от референта, что, в частности, трактуется как упрощенный, неоправданно автономизирующий систему языка подход. Нам представляется, что эти упреки не могут быть справедливыми в отношении всех лингвистических направлений. Более того, в лингвистике прошлого века потенциал развития заложен в подходах, которые с самого начала дали о себе знать как *междисциплинарные*, ставившие *задачи исследования языковых процессов в их связи с различными факторами человекообразования*. Психолингвистика стала одним из таких направлений в России, способным сместить акцент в сторону смысла в качестве междисциплинарного объекта. «Смысл, будучи явлением экстралингвистическим, может иметь различные способы выражения, в том числе и невербальные. В связи с этим можно считать, что область его существования значительно шире языка и потому смысл не равен ему, в то время как естественный язык равен смыслу в том отношении, что всякое выражение языка должно быть осмысленным. …Смысл, будучи внеязыковым явлением, тем не менее управляет отбором и распределением языковых средств при создании речевого произведения, он же является целью, средством и результатом его понимания» [Новиков 2007: 34–35]. Поиск доступа к смысловой реальности как основному продукту когнитивной деятельности человека осуществляется в настоящее время разными науками с присущими им методами и приемами. В нашей книге мы сконцентрируемся на инструментарии, которым, с нашей точки зрения, располагает современная экспериментальная психолингвистика для измерения и интерпретации смысловых акцентуаций русской языковой личности. Автору представляется возможным объединить в нашем анализе две проблемы, своего рода «задачи на смысл» (о термине см.: [Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова 2005: 217], а также с. 84 ниже).

Первую можно свести к вопросу: есть ли система у современного российского образования? Под «системой» имеется в виду не административно-бюрократический аппарат (жесткая структура) с его горизонтальными и вертикальными связями, а содержательно-мотивационная суть целенаправленной деятельности, система, приводящая к желанному для общества, проецирующего себя в будущее, результату, который закладывает гибкую, творческую основу для «прорыва» народной жизни к новому будущему воплощению. Поскольку материал для исследования процессов идентификации получен в экспериментальной работе со студентами, выявившиеся в нем *смысловые акцентуации и доминанты русской языковой личности* могут использоваться для оценки «системных» гуманитарных последствий

проведенной в постсоветский период реформы. Речь идет о последствиях, связанных с глобальными для российской цивилизационной идентичности функциями системы высшего образования.

Вторая проблема сопряжена с поиском подходов к решению такой фундаментальной для современной междисциплинарной лингвистики задачи, как построение теоретической модели описания языка в учебных целях. Эти две «задачи на смысл» очень актуальны и тесно связаны друг с другом. Модель языка как инструмента «овнешнения» когнитивных процессов, дающая представление о закономерностях вербализации смыслообразования у его носителей, необходима для анализа последствий социальной детерминации этих процессов, где системе образования следует отвести одну из главных ролей. Процессы идентификации имеют смысловую (содержательную) основу, которая проявляет себя в разных социально-коммуникативных практиках и установках, включая и те, которые сложились в системе образования. Их «освященность» авторитетом государственных структур в смутное время не гарантирует стратегической правомерности принимаемых решений и тактик их воплощения в жизнь. Именно поэтому итоги реформирования образования должны быть подвергнуты всестороннему критическому анализу, прежде всего в профессиональной среде. С нашей точки зрения, это необходимо не только для укрепления онтологической уверенности человека российской цивилизации в постперестроечный период, но и для его успешной идентификации в будущем.

В конце прошлого века в околонаучных и образовательных кругах стало модным упрекать советскую, а потом и российскую высшую школу в излишнем теоретизировании и оторванности содержания образования от практики жизни. Это было одним из мотивов для проведения административно-формальной реформы высшего образования в России по западному (так называемому мировому) образцу. Сегодня стало очевидным, что реформа не только не способна кардинально улучшить положение дел в данной области, но, наоборот, усугубляет его, поскольку отвлекала и продолжает отвлекать внимание и силы специалистов на формально-административную суету и поддержание внешних карьерных показателей в ущерб профессиональной содержательной деятельности по преодолению причин сложившегося положения. Между тем одной из основных причин отчуждения образования от реалий жизни, в том числе и массового ухода в псевдотеоретические изыскания, является реальный кризис в науке после информационно-технологической революции прошлого века. Лингвистике в этих условиях приходится пересматривать ряд прежних

подходов и заново формировать свой объект исследования, чтобы приблизиться к потребностям меняющегося мира, который требует от гуманитария надежных знаний о живых языковых и культурных процессах, способных *объяснить проблемы взаимодействия представителей разных цивилизаций и народов*. Вместе с тем бóльшая часть нерешенных в системе образования проблем уходит корнями в экономическую и политическую нестабильность, навязанную стране упрощенно утилитарно-рыночной потребительской ориентацией реформаторских решений, вызревавших еще в 80–90-х гг. прошлого века. В настоящее время можно наблюдать последствия системной реализации базовой части этих решений в научно-образовательной практике. Их разрушительный потенциал особенно ощутим в гуманитарной сфере на фоне информационно-технологической революции, поставившей перед наукой и образованием новые вопросы, для ответа на которые нужна сосредоточенная и вдумчивая просвещенческая и инновационная работа, а не реформаторская суета.

Примечательно, что наиболее существенные открытия последних десятилетий, которые могут иметь далекоидущие последствия для лингвистики, были сделаны в междисциплинарных областях, на стыке с такими науками, как биология, генетика, психология, физика, когнитивистика, статистика, нейрофизиология и др. Эти открытия нуждаются в осмыслении. Лингвистика также накопила большой багаж конкретных знаний о языковом многообразии и о строе самых различных языков мира на фоне динамики языковой ситуации и межкультурных контактов в разных частях света. К началу нового тысячелетия стало очевидным, что новые знания ставят перед научным лингвистическим сообществом новые вопросы и задачи, формулировка которых требовала творческого мыслительного процесса (о некоторых неожиданных для устоявшихся в советское время гуманитарных подходов задачах см.: [Иванов 2004]).

Исследование идентичности и процессов идентификации — одна из наиболее актуальных для системы образования и для гуманитарной науки, включая лингвистику, задач, определяющих состояние дел во многих, если не во всех, сферах деятельности человека. Образовательная деятельность здесь не является исключением. Более того, характер и существо проводимых реформой преобразований показательны с точки зрения направленности идентификационного процесса самих реформаторов.

Последние неспокойные десятилетия во всем мире заставляют ученых все чаще прибегать к междисциплинарным исследованиям

многомерных социально значимых объектов. В ряду предметных областей такого порядка — проблемы работы мозга, развития и формирования смыслового поля личного и коллективного сознания человека, взаимодействие этих процессов в речевой деятельности. Все эти вопросы в той или иной мере были в центре внимания научной школы А. А. Леонтьева и его коллег. Сегодня их труды представляют собой фундаментальный задел, на который мы можем опираться в исследовательской и практической деятельности в сфере образования и науки, в том числе и при анализе результатов реформаторской активности, в которую была погружена система в течение многих лет. Этот анализ должен включать в себя взгляд изнутри: исследование мотивов, стоящих за реформой, и последствий их конвертации в образовательную среду, а также попытку осмыслить более общую картину целеполагания применительно к образовательной деятельности в практике государственного строительства и будущего России. В данной книге предлагается психолингвистический анализ модусов идентификации русской языковой личности, отражающих последствия социальных преобразований за последние десятилетия. Наш анализ основывается на экспериментальном материале, а также на включенном наблюдении и рефлексии. Интерпретация идентификационных процессов строится на экстраполяции некоторых основополагающих тезисов, развиваемых А. А. Леонтьевым в его работах о социальной природе деятельности, об этапах созревания личности и формах ее социальной детерминированности, а также о качестве мотивационной сферы личности и социальной среды. В книге проводится сравнительно-сопоставительный синхронно-диахронный анализ материалов ассоциативных словарей (и баз данных общероссийского масштаба), разных синхронных общероссийских и региональных срезов, рассматриваются ассоциативные поля (далее АП) вербальных единиц, представляющих образы сознания, в структуре которых в «свернутом» виде присутствуют признаки идентификационных процессов россиян последней трети XX — начала XXI в.

Реформаторская деятельность была и остается неизбежной реальностью социокультурных потрясений, которые переживает страна-цивилизация СССР — РОССИЯ на рубеже веков. Последствия и мотивы реформаторской активности являются частью идентификационных процессов в научно-образовательной среде как важнейшей социокоммуникативной подсистеме современного общества. Один из *лейтмотивов* в нашем повествовании заключается в том, что ни в практике, ни в теоретических обоснованиях, предшествующих практической

деятельности (в том числе и реформаторской), нельзя уходить от изучения субъективных факторов, связанных с *качеством мотивации личности в социокультурной среде*. В данном случае мы имеем дело с поиском междисциплинарных возможностей учесть субъективные факторы, которые очень часто высокомерно-презрительно отбрасывались «высоколобой» наукой как подлежащие ведению «гуманитаров» — «профессоров кислых щей» [Горелик 2013: 252] либо (как следствие такого небрежения) с помощью СМИ и по сей день отдаются на откуп персонажам, присвоившим право манипулировать бытовыми авто- и гетеростереотипами в корыстно деструктивных целях.

Н. П. Бехтерева, посвятившая всю жизнь изучению активности мозга, пришла к мысли о том, что мозг «не только управляет своим организмом, но и пытается управлять малыми и большими формами жизни на планете» [Бехтерева 2015: 181]. Поэтому механизмы его работы могут потенциально служить социальными моделями и должны учитываться, «если мы хотим иметь общество (человечество!) с высоким творческим потенциалом… Правда мозга и жизни общества, по-видимому, едина. Нет деятельности без организующего ее начала — жесткого аппарата. Нет прогресса в развитии общества без оптимальной децентрализации, как нет богатства возможностей мозга в его развитии без аппарата *гибких звеньев, чутко реагирующих не только на задачу, но и на условия ее выполнения*» [Там же: 182] (курсив наш. — *И. Ш.*). Вопрос о *гибких и жестких звеньях* в представленной здесь трактовке объединяет аспекты личностного и коллективного творчества и поэтому является еще одним *лейтмотивом* нашего анализа.

К фактологической новизне нашего исследования мы относим разработку и обоснование приемов и методов выявления психоглосс, применение этих методов к раскрытию содержательно-смысловых трансформаций идентификационных процессов молодых россиян в пределах смены трех поколений на новейших репрезентативных общерусских и региональных экспериментальных материалах. Автор надеется, что ей удалось внести свою лепту в апробацию и творческое осмысление отечественных теоретических подходов к исследованию языковой личности, показать их объяснительный потенциал и приложимость к анализу сложных социокоммуникативных процессов, к которым можно отнести идентификацию на фоне реформаторской деятельности в научно-образовательной сфере. Содержание полученных психоглосс дает нам новый фактический материал, который может быть комплементарно использован разными науками при экспертной

оценке качества мотивационной базы участников научно-образовательной деятельности. Критический анализ сетевых моделей описания языка в отечественных психолингвистических и когнитивных исследованиях на фоне близких к ним или в чем-то сходных зарубежных аналогов позволил, как нам думается, выявить ряд преимуществ отечественных подходов, дающих инструментарий как для анализа собственно языковых явлений, так и для иных аспектов человекообразования. Условием для построения динамических сетевых моделей описания языка при интеграции знаний из разных наук о жизни человека является накопление больших обновляющихся баз ассоциативно-вербальных данных, поддающихся машинной обработке и оптимизации. На основе представленных в книге материалов на ФИТ НГУ начата разработка автоматизированных экспертно-обучающих приложений к корпусам ассоциативно-вербальных данных.

Помимо новых материалов в различных главах данной монографии используются в переработанном и обновленном виде фрагменты ранее публиковавшихся нами статей: в главе I из [2014а; 2018б]; в главе II — из [2015в]; в главах III и IV — [2016а, б]; в главе V — [2017]. Глава VI воспроизводит часть материалов из [2018а], в главе VIII приводятся переработанные фрагменты из [2015б], в главе IX из [2014б; 2015а].

Глава I

О МЕТОДЕ

Одним из научных подходов, потенциально способных укрепить теоретическую и эмпирическую базу для систематизации языковых процессов и получения *практически* значимых новых знаний, является междисциплинарный *психолингвистический подход*. Его реализация в последние десятилетия привела к особенно бурному развитию ассоциативной лексикографии, что, в свою очередь, способствовало накоплению необходимого материала для развития *сетевых* (*ассоциативно-вербальных*) *моделей* описания языковых процессов. Ассоциативная лексикография в России накопила достаточно большой опыт в составлении ассоциативных словарей и тезаурусов, который уже позволяет выносить осторожные суждения относительно устройства ассоциативно-вербальной сети (далее АВС), ее устойчивости и изменчивости во временн*ы*х параметрах на русском материале.

В данной книге мы опираемся не только на общероссийские экспериментальные материалы, представленные в этих источниках, но и на эмпирические данные, полученные нами в ходе массового ассоциативного эксперимента в Сибири и на Дальнем Востоке в сотрудничестве с коллегами из ИЯз РАН в рамках проекта нового русского ассоциативного словаря. Созданная по результатам первого этапа экспериментальной работы база данных [СИБАС] и словарь [Шапошникова, Романенко 2014; 2015] позволяют приступить к первичному анализу активной грамматики и смысловой структуры языкового сознания молодых россиян, проживающих в азиатских регионах России. В сопоставлении с соразмерными данными из других крупных регионов России (европейский и уральский) становится возможным

исследование региональной специфики, которая, впрочем, представлена и в иных локальных форматах [ЕВРАС; УРРАС; Региональное языковое сознание… 2017]. В настоящее время Центром межкультурных исследований имени А. А. Леонтьева предпринимаются активные усилия по организации сбора эмпирических материалов в Крыму и на Донбасе.

Каковы же конкретные механизмы и инструменты приближения теоретических достижений к практике изучения живого языка и социокоммуникативных процессов? Располагает ли ищущая себя современная лингвистика таким инструментарием в достаточной мере, чтобы не исключать субъективный фактор смыслообразования из рассмотрения? В чем специфика психолингвистического подхода? Что поддается изучению с помощью таких методов, которые работают на модели АВС?

Одной из актуальных, подсказанных потребностями жизни тем междисциплинарных лингвистических исследований в последние десятилетия стало *взаимодействие этнических и языковых процессов*. Исходным положением в нашей книге является утвердившееся в отечественной психолингвистике представление о *сознании человека как смысловой структуре*, которая формируется и трансформируется в опыте взаимодействия с окружающей средой [Словарь Л. С. Выготского 2010: 91–92; Леонтьев А. Н. 1975; 2005; Зинченко 1988; 2008; Рубинштейн 2011: 149–150; Ушакова 2000]. Соответственно, этническое (народное) сознание также можно рассматривать как когнитивную *смысловую структуру*, которая складывается при *взаимодействии языковых, этнокультурных и цивилизационных процессов*, при их очевидной связи с *психическими* (*идентификационными, смыслообразующими по своей природе*) процессами через промежуточную систему — *языковое сознание*. Эта-то промежуточная система и моделируется с помощью АВС. Изучение *системности* русского языкового сознания инициировано представителями Московской психолингвистической школы [Языковое сознание и образ мира 2000; Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты 2004; Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация 2005; Языковое сознание: парадигмы исследования 2007; Язык и сознание: психолингвистические аспекты 2009; Уфимцева 2011; 2017; Тарасов 2014]. Формирование этой системности в процессе речевой деятельности, а также связи данной промежуточной системы с традиционной логико-интерпретативной моделью системы языка (особенно в свете новейших междисциплинарных открытий) можно от-

нести к фундаментальным задачам, требующим исследовательского поиска не только на уровне разработки методов и приемов анализа, но и на уровне постановки проблем (см. гл. IX). Исследование устойчивости и изменчивости (флуктуаций) процессов смыслообразования (и смыслоутратности) — чрезвычайно актуальная задача. Техногенные цивилизационные вызовы (как результат линейного прогресса), в особенности информационно-технологическая революция конца прошлого века, привели к повышению мобильности населения, беспрецедентной активизации живых и опосредованных межэтнических контактов, накоплению в массовом сознании людей нового опыта, часто противоречащего смысловой сфере традиционной культуры, мощнейшего регулятора отношений этноса с внешней средой. Вероятно, одним из неизбежных следствий стало *изменение смыслового поля модели мира* включенных в этот процесс сообществ носителей языка.

Смысловая динамика идентификационных процессов обладает определенной устойчивостью (направленностью, доминантностью) и выводится вовне с помощью языка. Возможно, в будущем, по мере накопления новых эмпирических данных, ученые смогут прогнозировать формирование направленности (системности, доминантности) как языковых, так и связанных с ними этнокультурных адаптивных процессов, если последним не отказывать в существовании.

Таким образом, формирование системности (холистичности, целостности, доминантности) необходимо изучать в двух аспектах: языковая системность (субстантно-структурные и функционально-типологические лингвистические параметры собственно языковых систем и подсистем) и этнокультурно (в том числе цивилизационно) обусловленная системность (образов) *модели мира*. В силу частичной общности нейрокогнитивного субстрата и вербальных проявлений эти объекты могут рассматриваться в рамках *единого динамического смыслового поля*. Их взаимодействие в процессе речевой деятельности базируется на «промежуточной» (на пути превращения языка в речь) системе *языкового сознания*, функционирующей на предречевом этапе. В качестве экспериментально полученной *модели языкового сознания* в настоящее время рассматривается *ассоциативно-вербальная сеть*, а ее выявление и изучение становится прикладной задачей ассоциативной лексикографии. При этом систематика языковых знаний в АВС предстает перед нами преимущественно в качестве «активной грамматики» в терминах Ю. Н. Караулова [1999; 2010а, б], а смысловая структура *модели мира* соткана из *психически актуальных для носителя языка смыслов*.

Именно *активность и актуальность* материала АВС представляется нам отправным пунктом в дальнейшей работе по *поиску инструментария* для сближения лингвистических задач с практикой жизни. Основной, канонической единицей анализа для лингвиста во все периоды существования лингвистической науки была и остается языковая единица, соотнесенная с каким-то структурным уровнем языковой системы, при этом *каноническим носителем значения* при рассмотрении языка является слово (лексема). Здесь нелишне обратить внимание на принципиальную разницу в той информации о языковой единице, которую дают традиционные лексикографические и психолингвистические (ассоциативные) источники. Рассмотрим это положение на примере слова «деньги».

Современному ученику (студенту) предлагается самая разнообразная с лингвистической точки зрения информация о данном слове. Например, словари, доступные рядовому пользователю в Яндексе, снабжают нас толкованием значения (значений), приводят словоформы, иллюстрируя таким образом *морфологическую парадигматику*, могут также пояснить *происхождение слова*, показать *вариативность и сочетаемость словоформ*, указать на *фразеологизмы* и т. п. Подача информации зависит от принципов, которые положены авторами в создаваемый ими лексикографический источник. Ср. [МАС]: -387-

ДЕ́НЬГИ, *де́нег*, *деньга́м* и *де́ньгам*, *деньга́ми* и *де́ньгами*, *о деньга́х* и *о де́ньгах*, *мн.*

1. Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. *Бумажные деньги. Разменять деньги. Пересчитать деньги.* □ *У меня своих собственных денег было рублей тридцать, заработанных рукодельем. Эти деньги были отложены у меня на новое платье.* Достоевский, Бедные люди.

2. Капитал, средства. *Время — деньги.* Поговорка. *Не деньги, а истинная любовь приносит людям счастье.* Куприн, Ночлег. — *Будет такая школа и в нашем городе. — Деньги уже отпущены.* В. Беляев, Старая крепость.

◊ **Бешеные деньги** *см.* бешеный.

Шальные деньги *см.* шальной.

На медные деньги (учиться, быть воспитанным) — на скудные, ничтожные средства; недостаточно.

При деньгах (быть) — с деньгами, иметь деньги.

Не при деньгах (быть) — без денег, без свободных, излишних денег.

Бросать деньги *см.* бросать.

Бросать (или **кидать, швырять** и т. п.**) деньги на ветер** *см.* ветер.

Деньги // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А – Й. С. 387.

http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma138714.htm

Сравним подачу информации об этом слове с той, что приводится в Толковом словаре Д. Н. Ушакова:

ДЕ́НЬГИ, денег, де́ньгам-деньга́м, ед. (ист.) деньга, деньги, и (прост.) деньга, деньги, жен. (тюрк. tamga — клеймо, печать).

1. *только мн.* Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. Медные деньги. Заработал много денег.

2. *только мн.* Капитал, состояние, средства (разг.). Он теперь при больших деньгах. Ни за какие деньги не отдам. *«Время — деньги»* (посл.).

3. *только ед.* Деньга, деньги, собир. То же, что **деньги** (прост.). Зашибать деньгу. *«У Павлинского всегда водилась вольная деньга». Салтыков-Щедрин*.

4. Деньга, деньги, *жен*. То же, что денежка в 1 знач. (ист.).

Толковый словарь Ушакова. Д. Н. Ушаков. 1935–1940.

http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/787226

Расширить или уточнить наши знания о каких-то отдельных аспектах функционирования слова мы можем, обратившись к *специальным лингвистическим словарям* (например, синонимов, ударений, орфографическим, орфоэпическим и др.). В том же Яндексе находим информацию о морфологической (морфемной) структуре интересующего нас слова, направляющей пользователя на выявление разных его функциональных (с точки зрения распределения лексико-грамматической нагрузки) компонентов:

де́ньг/и

Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2002.

Яндекс. Словари › Морфемно-орфографический словарь. — 2002

Количество и различные (преимущественно орфографические и акцентные) варианты словоформ, в которых проявляет себя лексема «деньги» в текстах, фиксируются в специализированных словарях:

де́ньги, де́нег, де́ньга́м

Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

Яндекс. Словари › Орфографический словарь. — 2004

де́ньги, де́нег, деньга́м (*устар.* де́ньгам: в «Бе́шеных де́ньгах» А. Остро́вского).

Яндекс. Словари › Словарь ударений. — 2000

Синонимические парадигмы также доступны для «освоения списком»:

ДЕНЬГИ; капиталы, денежки, финансы (разг.); презренный металл (разг., шутл.); деньжата, деньжонки, копейка, гроши (прост.); золотой (златой) телец, желтый дьявол (книж.); фити-мити, пети-мети (нов. прост.); казна (устар.) / о металлических деньгах: звонкая монета [Александрова 1993: 88].

Происхождение слов описывается в этимологических словарях, при этом применительно к нашему слову разные лингвистические источники, в особенности относящиеся к разным периодам развития научных лингвистических знаний, могут дать разные версии. Так, в словаре Фасмера слово «деньги» рассматривается как заимствование из татарского, а мнение о происхождении *деньга́* от тюркского tamga, damga ‘метка, штемпель’ считается устаревшим [Фасмер 2003: 499] (ср. данные из словаря Ушакова выше).

Помимо лингвистических словарей, популярные энциклопедии и энциклопедические словари подробно растолкуют понятие и дадут возможность поразмышлять над его ролью в обществе.

Ср.: **де́ньги** — специфический товар максимальной ликвидности, который является универсальным эквивалентом стоимости других товаров или услуг. При помощи **денег** выражают стоимость других товаров, поскольку **деньги** легко обмениваются на любой из них [ru.wikipedia.org].

Не составит большого труда прочитать в Интернете о функциях денег, о происхождении этого феномена и многое другое, что уже не имеет прямого отношения к лингвистике, но описывает и расшифровывает называемое словом «деньги» понятие и его встроенность в другие понятийные сферы жизнедеятельности.

Итог работы лексикографов, обобщенный и зафиксированный в лингвистических источниках, реализует исходную задачу — *формирование знаний о лингвистических свойствах единицы*, представленной леммой[1] в словарях, понятия о называемом объекте, выводного знания о нем (в результате рефлексии и логического анализа, выполненного исследователями и авторами словарей; а в новейшее время и с опорой на компьютерные технологии систематизации и обработки текстовой информации, что кардинальным образом расширяет возможности наблюдателя за функционированием единицы анализа). *Полнота описания* очень значима для такой работы и имеет под собой глубокую мотивацию, так как необходима для сохранения сложившейся в истории бытования слова культурной семантики во всех ее аспектах. Последнее очень важно для энциклопедий, толкующих не слово, а понятие. Полнота сведений обеспечивает историческую преемственность в понимании и толковании текстов культуры. Конечно, организация сведений о единицах языка зависит и от субъективного фактора — индивидуального опыта и сознания лексикографа, в том числе и в преобразованном виде в параметрах, заложенных в компьютерные программы обработки текстов.

В идеале в своей совокупности лингвистические словари должны дать достаточно информации для того, чтобы можно было с их помощью прочитать любой текст на данном языке в любой сфере его использования. Парадоксально, но с психолингвистической точки зрения филологическая полнота описания не способствует созданию (воспроизведению) целостного образа, реально стоящего за словом в живом его использовании у современников. Более того, лингвистически (и шире: историко-филологически) ценная информация может быть очень далека от актуального использования слова рядовым носителем языка. Например, какие-то фразеологические единицы из словарей могут быть ему совсем незнакомы и даже непонятны, а само наличие каких-то форм в языке может показаться ему «искусственной выдумкой» автора, с которой можно и поспорить. С другой стороны,

---

[1] *Леммой* лингвисты называют ту форму слова, в которой оно обычно подается для толкования в словаре. Например, глагол в форме инфинитива (читать), существительное в именительном падеже единственного числа (книга). Лемма нашей единицы — *деньги* имеет форму мн. ч. им. падежа, поскольку формы единственного числа у этого слова ушли в историческое прошлое. Ср.: *каноническая форма лексемы*, *основная форма слова*, *вокабула*, *исходная форма*. В этом термине видна смысловая аналогия с математическим термином *лемма* для теоремы, которая используется только для описания других теорем.

какие-то фиксируемые словарями значения и толкования слова могут стать значимым культурным открытием для носителя языка. Конечно, здесь можно говорить о разном уровне владения родным (и тем более иностранным) языком, однако мы будем исходить из достаточно высокого в целом уровня, характерного для человека образованного и размышляющего о том, как именно он разговаривает на своем (чужом) языке. Предположительно именно к этой категории должны относиться наши испытуемые — студенты разных специальностей высших учебных заведений Сибири и Дальнего Востока. Посмотрим, что собой представляет ассоциативное поле слова-стимула «деньги» по данным СИБАС и какую именно информацию об этой лемме дал нам ассоциативный эксперимент.

АП «деньги» (прямой словарь СИБАС):

зло **45**; власть **31**; много **27**; бумага **17**; богатство **12**; валюта **11**; работа **10**; мало; тратить **9**; рубли **8**; большие; счастье; хорошо **7**; грязь; доллар; не пахнут **6**; грязные; евро; зарплата; кошелек; монеты; нужны; средства; бизнес; возможности; время; есть; монета; на ветер; средство **4**; бабло; банк; возможность; зеленые; зелень; крупные; купюры; нету; покупки; слава **3**; $; бабки; в банке; ветер; вперед; всё; доллары; достаток; жадность; жизнь; закончились; заработать; золото; квартира; кошелек; мои; мусор; необходимость; не хватает; покупать; прибыль; рубль; сила; считать; ценность **2**; 500р.; алчность; бабулесы; банкнота; бассейн; билет; билеты; благо; блаженство; богатый; больше; брать; бумаги; бумажка; бумажки; бумажные; бумажные деньги; быстро; ванна; в банк; в долг; ветреный; взаймы; в кармане; вода; воздух; вперед; в связке; все; выбор; гавно; гадость; давай сюда; делаем мы; делать; долг; дома; доход; жажда власти; желание; желания; — жизнь; зависть; запах; зарабатывать; заработок; звание; зеленый; зеленые купюры; зло!; инфляция; капитализм; карты; карты, пистолет; конфеты; красивые; крах; круто; курорт; лавэ; ликвидность; магазин; медь; менять; много денег; многое могут; монетки; мыши; на бочку; на быку; надо; нал; наше; не важно; не важны; не главное; недостаток; не нужны; необходимое; необходимы; необходимые; несчастье; нет; нефть; ничто; нужно; обмен; овощи; огромные; оплата; орангутанг; отдать; парни, любовь; партии; пахнут; пачка долларов; песок; под проценты; покупка; получать; получить; порок; потрачены; почесть; появились; правят миром; проблема; проблемы; радость; радость в жизни; расходы; решают; роскошь; сбережения; свобода; смерть; собраны; стипендия; супер; счастье, достаток; счет; тают; торговля; трать; тысяча; тяжело; успех; фальшивые; хорошие; хочу; цель

работы; шелест; шуршащие; эквивалент **1** (499, 199, 4, 134). О количественных показателях см. с. 30.

При предъявлении АП в аудитории носителям языка на их лицах неизбежно появляются улыбки «узнавания» тех «своих» или близких своим собственным индивидуальных смыслов, что всплывают в ассоциативных парах его составляющих. Рассуждая о причинах такого «узнавания», Ю. Н. Караулов усматривает их в сходстве «диссипативных структур» в индивидуальных и в коллективной АВС [2010б]. Эти структуры охватывают среди прочего и «типовые семантико-когнитивные структуры, и тождественные фонетические комплексы, и узнаваемые прагматико-мотивационные модели» [Там же: 249]. Очевидно, что такие структуры не линейны, а их сходство является результатом совместной деятельности (опыта) носителей индивидуальных сознаний, их пребывания в поле одной и той же культуры. Нетрудно заметить, что многие отмеченные в словарных статьях обороты, словоформы, фразеологические единицы просто *отсутствуют* в рассматриваемом ассоциативном поле, поскольку они *не актуализированы* в языковом опыте большинства испытуемых.

Таким образом, итог работы психолингвиста — составителя ассоциативного словаря заключается в получении *комплексного образа, сотканного из актуальных смыслов, стоящих* ***сегодня*** *за телом языкового знака* (словом); образа, включающего все виды актуальных для рядового носителя языка знаний (предметно-операциональных, эмоционально-оценочных, чувственных, в широком смысле когнитивных, в том числе и лингвистических). Это происходит по причине того, что основным законом АВС является *закон предикации* [Караулов 1999]. Будучи вживленным в окружающую среду, предицируя себя миру, человек многомерно выстраивает свои многообразные отношения с его объектами при посредстве языковых знаков. Закон предикации вытекает из самой физиологической природы формирования вербального знака у человека, видовой специфики *homo sapiens* как биологического существа, обладающего обретенным в эволюции механизмом взаимодействия первой и второй сигнальных систем.

Как использовать столь специфично организованную в ассоциативных словарях информацию в практической деятельности? Несмотря на обилие текстов, написанных на эту тему, а также выполняемых на ассоциативных материалах в настоящее время работ, эта задача *актуальна в своей сложности* и для исследователя, и тем более для

лингвиста-пользователя, в особенности преподавателя. Особый интерес представляют исследования, в которых знания, выведенные обычными, не экспериментальными методами, поверяются экспериментальным путем с опорой на современные ассоциативные базы данных [Стернин 2016; Гольдин, Сдобнова 2014].

В ассоциативном поле уже традиционно (вслед за разработками Ю. Н. Караулова) выделяются различные типы и виды связей между вербальным стимулом и реакциями. Они представляют собой вербализации различных намерений носителя языка, когда он «совершает акт предицирования» в ответ на предъявленный словесный стимул. Здесь и *номинация* (**деньги** — бумага, доллары), и *локация* (**деньги** — банк), и *предикация в узком смысле*, как предписание признака объекту (**деньги** — не пахнут, грязные), и многое другое. Подробнее о типах отношений S–R (стимул — реакция) и связанных с ними закономерностях АВС см. [Караулов 1999: 107–116]. Каждая цепочка «стимул — реакция» может рассматриваться как носитель необязательно какого-то одного из этих и иных видов связей. Особенно часто наблюдается совмещение разных типов смысловых отношений внутри ассоциативной цепочки с *оценочной семантикой*. Поэтому выявление и анализ оценочных маркеров и акцентуаций в АВС имеет шансы превратиться в особое направление ассоциативной лексикографии, своего рода *ассоциативную аксиологию* (см. гл. IV). При выполнении этнолингвистических исследований уже на уровне АП проявляют себя *семантические зоны оценки*, столь значимые для понимания этнокультурной специфики смысловой (содержательной) структуры сознания. Так, уже при беглом взгляде на АП «деньги» в прямом словаре СИБАС можно выстроить оппозицию по оценочным ассоциатам, получив примерно следующую картину отрицательного и положительного полюсов в структуре образа «деньги».

Деньги ассоциируются с чем-то злым, грязным, неправедным, с негативными качествами людей, в особенности с завистью и жадностью, лживостью, деньги создают проблемы и даются тяжело. Деньги вызывают к себе презрение, поскольку мы осознаём, что они не главное в нашей жизни, о чем свидетельствуют такие ассоциаты, как *зло*, *на ветер*, *не пахнут*, *грязные*, *грязь*, *мусор*, *зависть*, *тяжело*, *фальшивые* и им подобные.

С другой стороны, деньги — это хорошо, так как они создают достаток в жизни, приносят ощущение силы, славы, радости, даже блаженства. Они могут принести почести, связаны со свободой, роскошью, правом выбора, приносят счастье. Деньги представляют собой

ценность. В качестве материального объекта они также приятны сами по себе. Все эти смыслы активируются ассоциатами *хорошо*, *достаток*, *прибыль*, *доход*, *сила*, *слава*, *радость*, *благо*, *блаженство*, *многое могут*, *свобода* и другими насыщенными позитивом единицами в АП «деньги».

Подобная процедура распределения оценочно маркированных ассоциатов между двумя полюсами противоположных смыслов (выявление смысловой оппозиции) представляет собой довольно примитивную и самую общую (предварительную) экспликацию смыслов, интегрированных в образ «деньги». Более точный и надежный анализ должен основываться на измерении смысловых составляющих структуры АП.

Присутствие статистической оценки связей единиц, образующих АП, существенно расширяет возможности выявления актуальных, наиболее устойчивых единиц, включая потенциально способные выступать в качестве лингводидактических, то есть первоочередно подлежащих изучению в процессе освоения языка. Ниже мы рассмотрим приемы анализа (выявления) смысловых акцентуаций на материале АП ряда единиц идентификационного плана.

АП можно рассматривать как *микроуровень анализа* ассоциативных данных. Оно представляет в «свернутом» виде смысловую структуру образа сознания, названного одной конкретной вербальной единицей (то есть словом или словоформой, если в качестве стимула в эксперименте предъявлялась словоформа, а не лемма). Однако смысловая структура образа, как «свернутая» (интериоризированная, то есть переведенная во внутренний план) в нашем сознании ячейка опыта взаимодействия с миром, не «сворачивается» сама по себе, автономно, в отдельности от всего прочего сложного контекста деятельностей, взаимодействий и взаимозависимостей, в котором этот образ формируется. Условно выделенный исследователем для анализа образ встроен в сложную смысловую систему (структуру) образа мира языковой личности. Ассоциативно-вербальные материалы, собранные в эксперименте с языковыми личностями конкретных индивидуумов, позволяют вести речь и о так называемой усредненной языковой личности, представляющей систему образов (смысловую структуру — образ мира), типичную для определенной этносоциокультурной группы (народа или какой-то его части). Эта система представлена, как уже упоминалось выше, моделью сетевого типа, которую называют ассоциативно-вербальной моделью языкового сознания русской языковой личности. Полученную в эксперименте ассоциативно-вербальную

сеть (АВС) мы рассматриваем как динамическую смысловую структуру, в которой может найти отражение психически актуальное смыслообразование, характерное, в частности, для идентификационных этнических процессов. Таким образом, анализ на микроуровне, то есть на уровне одного образа или группы особенно тесно с ним связанных образов, дает нам первичную информацию. Для более глобальных выводов, значимых с точки зрения системных процессов этнокультурной среды, необходим *анализ на макроуровне*, то есть на всем массиве имеющихся в АВС ассоциатов. Макроуровневый анализ с последующим синтезом информации позволяет судить о доминантных (обладающих определенной устойчивостью и параметрами изменчивости во времени) процессах, которые сигнализируют об изменениях модусов языкового сознания, включая модусы идентификации[2]. Для такого анализа необходимы базы ассоциативных данных, позволяющие исследовать АВС синхронно-диахронно хотя бы в течение нескольких десятилетий. До последнего времени у психолингвистики не было таких масштабных эмпирических данных. Благодаря самоотверженной деятельности психолингвистов в эпоху

[2] Инструментарий СИБАС позволяет выявить через обратный ассоциативный словарь *ассоциативные доминанты* (узлы АВС) с наибольшей силой (интенсивностью) и разветвленностью (экстенсивностью) связей. Так, по количеству реакций (а значит, по силе связей), полученных в массовом ассоциативном эксперименте в азиатских регионах России на начало 2014 г., лидируют **человек** (10 011), **деньги** (4036), **дом** (2584), **друг** (2342). По количеству стимулов (а значит, разветвленности, укорененности смыслов в разнообразии связей): **человек** (450), **жизнь** (345), **дом** (335) **деньги** (263), **хорошо** (261), **плохо** (260), **друг** (253), **нет** (235), **мир** (232), **я** (230). Сходную (хотя и не совсем идентичную) смысловую структуру находим и в ЕВРАС на начало 2014 г.: **человек** (594), **жизнь** (497), **дом** (465), **плохо** (269), **хорошо** (264), **нет** (257), **деньги** (249), **мир** (240), **друг** (236), **я** (215) [Уфимцева 2017: 95]. Если сопоставить эти данные с материалами Н. В. Уфимцевой, в ее работах по исследованию «ядра языкового сознания» русских, обладающего существенной устойчивостью и во многом определяющего нашу социокультурную идентичность [2002: 159–164; 2011], становится очевидным факт очень существенного изменения социокоммуникативных установок русских, как в европейской, так и в азиатской части РФ, на фоне имеющихся показателей 70-х и 90-х гг. прошлого века (см. соответствующие таблицы в [Уфимцева 2002: 159–164; 2017: 93–95]). Среди абсолютных лидеров (первых десяти ассоциативных доминант) особенно ярко эти изменения проявили себя в резкой актуализации и разработке смысловых узлов **деньги** и **я** в новейшее время. Такого рода изменения не могут не быть связанными с мотивационно-прагматической сферой жизни, содержанием и характером практикуемых деятельностей.

перестройки и в настоящее время такие базы данных создаются и уже могут в определенных пределах использоваться для исследований на макроуровне. Основным препятствием для такого уровня анализа является на сегодняшний день отсутствие эффективной системы обработки экспериментальных материалов на начальных этапах их получения; требуется и последующая оптимизация ассоциативно-вербальных баз для пользователей разных уровней. Эти проблемы могут в частности, как мы предполагаем, решаться через разметку создаваемых ассоциативно-вербальных баз данных (см. гл. VIII). В настоящей книге мы будем опираться в основном на данные микроуровневого анализа ряда подсистем в образе мира (усредненной) русской языковой личности, которые уже могут быть выведены и интерпретированы с достаточно высокой степенью достоверности в имеющихся экспериментальных материалах.

В новаторских для своего времени исследованиях ассоциативно-вербальной сети, получивших новую эмпирику после создания русского ассоциативного словаря-тезауруса в годы перестройки, Ю. Н. Караулов развивает понятийно-категориальный аппарат, который лег в основу его теории языковой личности. Языковая личность, по замыслу автора, объединяет способности и характеристики человека с особенностями порождаемых им текстов [Караулов 1989: 3]. Она проявляет себя в таких ипостасях, как вербально-семантическая (включая грамматико-парадигматические и семантико-синтаксические отношения), представленная моделью ассоциативной (активной) грамматики русского языка [Караулов 1999; 2010а], тесно связанные с ней когнитивная и мотивационно-прагматическая [Караулов 2010а; 2010б: 56]. В качестве обозначений для одной из возможных единиц анализа языковой личности Ю. Н. Караулов предлагает термин «психоглосса», который применим к разным уровням [Караулов 2010б: 157–158]. Так, в ходе анализа могут выявляться грамматические психоглоссы, связанные со знанием родного языка. В данной главе нас интересуют когнитивные и мотивационные психоглоссы, которые, как нам думается, отражают динамику смысловых акцентуаций русской языковой личности в идентификационном измерении.

В наших работах термином «психоглосса» описываются смысловые образования, которые выявляются на основе частотных показателей сети ассоциативно-вербальных связей и могут соотноситься с соответствующими смысловыми доминантами (акцентуациями) языковой личности, позволяющими судить о целостности

или противоречивости (чреватой смыслоутратностью) ее смысловой структуры [Шапошникова 2017: 127]. Условием для выявления таких психоглосс в пределах нескольких сменяющих друг друга поколений становится компьютерная обработка постоянно пополняемых в эксперименте ассоциативно-вербальных баз данных. К настоящему времени в распоряжении психолингвистов имеется несколько источников. В 70-е гг. прошлого века на ограниченном материале двухсот стимулов был получен словарь ассоциативных норм (САНРЯ). Уже упоминавшийся выше ассоциативный тезаурус[3] (РАС) создан в период с 1988 по 1997 г. Новейшие данные были получены в параллельном для азиатской и европейской частях России эксперименте, они сгенерированы в ассоциативные словари СИБАС (2008–2013) и ЕВРАС (2008–2013), полностью сопоставимые по репрезентативности и составу единиц[4]. Поскольку эти три типа источников не только дают три разных временных среза, но и имеют свою специфику по репрезентативности и структуре данных (разное количество испытуемых и объем экспериментальной работы), при проведении сравнительного анализа мы применяли метод, позволяющий опереться на сопоставимые критерии, связанные с набором и удельным весом по отношению друг к другу сходных смысловых зон в структуре рассматриваемых полей. Выявившиеся при этом количественные показатели не могут рассматриваться как имманентные свойства неких наличных, как «объективная» на все времена данность когнитивных смысловых сущностей, «концептов» (тем более «значений» объективирующих их слов). Они фиксируют *относительную устойчивость актуализации* тех или иных смысловых связей в сознании ныне живущих носителей языка (испытуемых). Предметом диахронного сопоставительного анализа в этом случае становится относительная динамика этих смысловых зон, а также, при необходимости, особенности их наполнения конкретными единицами, отражающими специфический коллективный опыт конкретных периодов в жизни народа.

---

[3] Тезаурусный формат обеспечен трехэтапным массовым экспериментом с постепенным наращиванием АВС.

[4] В отличие от трехэтапного РАС, доступные для пользователей словари новейших региональных баз СИБАС и ЕВРАС пока что одноэтапны (в каждом из них представлены материалы, полученные на 1000 стимулов от 500 условных испытуемых, что составляет не менее 5000 анкет по 100 стимулов в каждой, предъявленных 5000 студентов в каждом регионе).

Научное издание

Ирина Владимировна Шапошникова

МОДУСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

2-е издание

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор И. Полосухина
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 15.04.2020. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 21. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru vk.com/gnosisbooks

Ирина Владимировна Шапошникова — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, профессор кафедры межкультурной коммуникации, профессор кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета. Имеет многолетний опыт преподавания теоретических дисциплин для всех уровней подготовки (включая социо- и психолингвистику, общее языкознание, историю английского языка и др.) на русском и английском языках в вузах России. Защитила кандидатскую и докторскую диссертации в области истории английского языка. Сфера научных интересов подчинена научно-образовательной деятельности. Автор более 80 научных работ, среди которых есть монографии, учебник по истории английского языка (2017), двухтомный Русский региональный ассоциативный словарь (2014—2015). Руководитель и разработчик проекта СИБАС — Русской региональной ассоциативной базы данных (Сибирь и Дальний Восток). Проект осуществляется в секторе русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН в сотрудничестве с ФИТ НГУ, сектором этнопсихолингвистики и Центром межкультурных исследований имени А. А. Леонтьева в ИЯз РАН, а также с ведущими вузами азиатской части РФ.